
СУБСТАНЦИАЛЬНОСТЬ ЖЕЛАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ СЕКСУАЛЬНОГО

Ф.В. Тагиров

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сложной и противоречивой проблеме направленности сексуального желания, а также влиянию институциональных трансформаций, происходящих в ряде современных обществ, на понимание границ и критериев его нормальности. Методологической предпосылкой выступает выделение двух основных подходов к данному вопросу — эссенциализма и конструктивизма, — различаемых в первую очередь с точки зрения того, как они представляют желание и его субстанциальность.

Ключевые слова: субстанциальность, желание, эссенциализм, конструктивизм, сексуальность, квір, бердаши, дегенерация, человеческая природа.

ВОПРОС НОРМАЛЬНОСТИ И НЕНОРМАЛЬНОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ЖЕЛАНИЯ

Вопрос «нормальной» сексуальности и «нормальной» сексуальной ориентации для современного социального дискурса является одной из тех тем, что сегодня наиболее часто и остро проблематизируются, встречая крайне неоднозначную, противоречивую реакцию в оценках и суждениях. Для типичного участника этого дискурса едва ли имеет значение тот факт, что само понятие «сексуальной ориентации» и соответственно попытка деления людей на качественно различные группы исходя из предпочитаемого ими сексуального объекта, равно как и самоидентификация субъекта, основанная на его сексуальных пристрастиях, — все это явление исторически сравнительно недавнее, и примеры иных подходов к пониманию сексуальности мы можем наблюдать не только в далеких, «экзотических», культурах, но и в классической античности, и в средневековье, где, конечно, существовало понятие «содомского греха», но данное прегрешение долгое время рассматривалось в ряду прочих возможных грехов и не служило основанием для выделения «особой породы» людей, принципиально отличных в своих «странностях» или «слабостях» от остальных.

Отдельная, особо тревожащая, составляющая данного вопроса — это проблема определения «нормальности» тех или иных сексуальных практик и, что не менее существенно, желаний и «склонностей», которые, как мы полагаем, находят свое воплощение в данных практиках. Очевидно, что о норме, в том числе и о сексуальной, можно говорить в дескриптивном и прескриптивном значении.

Дескриптивное значение нормы опирается на статистическое соотношение, и в этом случае группа лиц, представляющая по некому критерию статистическое меньшинство, безусловно, будет являться определенным «отклонением» от нормы,

но нормы статистической. Это «отклонение» так и остается лишь описательным и не подразумевающим применения неких санкций (будь то исправительные или ограничительные меры) — ведь мы не перекрашиваем более редких черных лебедей в цвет их белых собратьев, — если только не обнаруживается оснований для смычки дескриптивной нормы с нормой прескриптивной.

Нормативное предписание может рассматриваться как абсолютное, проистекающее из «абсолютной» нормы, знание которой часто утверждает за собой, например, религиозный дискурс, но также и как относительное, культурно-исторически обусловленное и являющееся средством регламентации и одновременно механизмом нормализации субъекта со стороны наличествующего социального порядка (1).

Не смотря на то, что второе понимание прескриптивной нормы — как нормы, устанавливаемой обществом конкретного типа в конкретный исторический момент, — и является «относительным», в настоящем социально-историческом контексте от субъекта требуется следование этой норме практически в той же абсолютной степени, что вне конкретного контекста от него требовала бы норма универсальная. Однако здесь невольно закрадывается вопрос: если «истина», определяющая границу, которая отделяет «нормальное» от «ненормального», контекстуальна, то каковы должны быть достаточные основания для изменения самого контекста?

В спектре типичных ответов на вопрос о «нормальности» однополой сексуальной ориентации весьма громко заявляют о себе голоса отторжения и осуждения. За преодоление этого отторжения выступают два дискурса, которые принято обозначать как эссенциалистский и конструктивистский. Утверждая природную обусловленность того, кто — женщина или мужчина — является предпочтительным сексуальным объектом для данного индивида, эссенциалистский дискурс производит как бы субстанциализацию желания, оно мыслится предзаданным и глубоко укорененным в субъекте.

Гендерная идентичность в данном случае является выражением некоего естественного биологического основания. Конструктивистский же дискурс исходит из того, что сексуальная ориентация, напротив, производна от гендерной идентичности субъекта, которая, в свою очередь, формируется под воздействием прежде всего социальных факторов. В отличие от эссенциализма конструктивизм в своем дискурсе стремится осуществить десубстанциализацию желания, которого не существует до его осознания, а само это осознание неизбежно опосредуется символами и смыслами, присущими дискурсу, в который погружен субъект.

Современная научная мысль все больше тяготеет к смешанному, «многофакторному» подходу, предполагающему невозможность объяснения сексуальности субъекта каким-либо одним набором причин — природных ли, социальных ли, — однако мы пока отложим обращение к методологии смешанного подхода и в первую очередь остановимся на эссенциалистском и конструктивистском подходах, взятых раздельно, идеально-типическим образом, разведенных, исходя из того, мыслят ли они желание субстанциально или несубстанциально.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК ГЕТЕРОНОРМА ДЛЯ ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОСТИ

Гетеросексуальность есть практика рассмотрения в качестве сексуального объекта другого, иного, отличного от нас. В основе логики гетеросексуальности лежит идея различия и при этом принцип не исключения отличного, а напротив, включения, принятия его в его инаковости. Парадоксально, но общества, столь высоко ставящие гетеросексуальную модель отношений, в своем обращении с гомосексуальными практиками подчас выступают вопреки самому принципу «гетеро» и логике гетеросексуальности: гетеросексуалы признают, прежде всего, гетеросексуалов, подобные любят подобных — чем не гомофилия, выведенная за узкие рамки непосредственного сексуального контакта? Гомосексуальность оказывается гетеронормой для гетеросексуальности, но всегда ли человек, идентифицирующий себя как гетеросексуал, готов к гетеронорме?

Конечно, вопрос стоит задать, скорее, не самому индивиду, а социуму, дискурс которого воспроизводит в своих делах и помыслах конкретный субъект. Общества окажутся разделенными на допускающие гетеронорму и ее не допускающие или, скажем точнее, чтобы избежать простой дуальности, имеющей мало референтности с реальностью, — ранжированными по степени ее допущения.

Логично заключить, что для того, чтобы допустить гетеронормную вариативность, несогласованность, чтобы поставить под сомнение стабильно выстроенную систему приоритетов, само общество должно находиться в состоянии, где гетеронормность не разрушает базовую основу, объединяющую людей, где наблюдается согласованность несогласованности, то есть субъекты согласны, как минимум, с несогласием друг друга, а само общество стабилизировано в ряде своих принципиальных составляющих настолько, что другие его составляющие, когда-то бывшие не менее принципиальными, теперь могут предстать предметом произвольно переосмысления. Именно поэтому Ж.-Ф. Лиотар и увязывает принципы гетероморфности и гетерогенности правил с социумом, достигшим «состояния постмодерна» [1. Гл. 13—14] (а мы добавим: достигшим и сохранившим это состояние, а не вернувшимся обратно в модерн или даже в «домодерн»), а Р. Инглхарт говорит о безусловности базовых гарантий, необходимо стоящих за условностью правил в таком обществе [2].

Там, где гомосексуальности не удается осуществиться непосредственно в качестве гетеронормы по отношению к нормальной гетеросексуальности, она может выступать как требование этой «нормы отличного». В этом случае показателем пример квир-дискурса, делающего сексуальность протестной, создающего сексуальность нон-конформизма: быть гомосексуальным в мире гетеросексуалов, но быть гетеросексуальным в обществе, предписывающем однополюе отношения.

Трудно отказать квир-теории в гуманистическом пафосе. Гуманизм инаковости, не подавляемой, не унифицируемой, а, как представляется, свободно манифестируемой, долгое время представлял собой один из ключевых элементов современного дискурсивного мейнстрима. Представляется, что совершенно не случайно популярность фантастических сюжетов про «оживших» роботов, человек-

ных мутантов, где новые «существа», отличающиеся от людей во внешних аспектах, оказываются вдруг еще более человечными и духовными, чем многие из людей.

С одной стороны, квир-гуманизм оказывается востребован самыми различными социальными группами, что, вероятно, свидетельствует об определенном унифицирующем давлении, которое они испытывают. С другой стороны, нельзя обойти вниманием и тот факт, что протест как таковой, нон-конформизм как таковой давно уже стали встраиваться в экономические и политические структуры системы, против которой они и выступают. Протест становится модным, он превращается в производимый продукт; те, что потребляют его, довольны, так как в протесте они утверждают за собой идентичность бунтаря и нон-конформиста, по крайней мере, «честного человека», а также дают выход (пусть даже и ограниченный) своему бунтующему духу, те, что производят протестный продукт, также в выигрыше — экономически, поскольку их товар пользуется спросом на рынке, или политически, потому что протестующий нон-конформист теперь, пусть даже и через отрицание, привязан к системе производства и потребления протеста. Подавление (или, скажем вслед за М. Фуко: контроль, ибо сегодня он вовсе не осуществляется исключительно как подавление) и протест против него из непримиримых антагонистов, каковыми они казались в прошлом, за небольшим исключением особо «маргинальных» или отчаявшихся групп, стали напарниками не разлей вода. То же касается и сексуальности в тех ее формах, которые стремятся трансгрессировать предписываемые обществом — законом или общественным мнением — нормы.

Однако самоубийство писателя Доминика Веннера в соборе Парижской Богородицы 21 мая 2013 г. как жест, направленный, в частности, против легализации однополых браков — это также протест, но протест, выраженный в предельно экзистенциальном решении, отрицающий саму возможность воспользоваться будущими дивидендами этого протеста.

По мере того, как ширится волна «протестной» сексуальности, форму протеста приобретает позиция, недавно являвшаяся доминирующей (или даже являющаяся таковой и сейчас, но осознающая возможную угрозу собственному существованию).

Противостояние гетеронормной (гомосексуальность наравне с гетеросексуальностью) и негетеронормной (гетеросексуальность как правильная форма сексуальности) моделей, достигая определенного накала, выходит за границы исключительно вопроса о сексуальной норме (и даже о здоровье, моральности и социальной благонадежности индивида) и становится как аргументом в политическом противостоянии, так и возможной основой для экономического давления. Обвинению в «гомофобии», то есть в нетолерантности, антидемократичности, фашизме, противопоставляется обвинение в «гомофилии», понимаемой как признак аморальности, беспринципного гедонизма и деградации. Подобная включенность вопроса о сексуальных предпочтениях, который при иных обстоятельствах мог бы оставаться предметом сугубо личного, интимного выбора ин-

дивида, делает корреляцию интересов, провозглашаемых субъектом, и его персональной реальности трудноверифицируемой, поскольку субъект сексуального не утверждает себя и даже не мыслит себя только в категориях дискурса о сексуальности — но также и в категориях дискурса политического, геополитического, националистического, религиозного и т.д.

Отчего же, казалось бы, в целом гуманистическая модель, построенная на уважении к самоопределению любого человеческого существа, не преступника, не насильника, не убийцы, не вора-казнокрада, вызывает подчас столь глубокое возмущение? Создается впечатление, что порой вор-казнокрад, и даже убийца-насильник находит у среднестатистического участника данного дискурса больше понимания и даже сочувствия, симпатии, чем мужчина, просто предпочитающий в качестве сексуального объекта женщинам других мужчин, или женщина, предпочитающая мужчинам женщин. Потому что первый — он хоть и преступник, но, в общем-то, такой же, как ты, а субъект однополого влечения в своей странности, как кажется, удаляется за пределы любого подобия с тобой.

Справедливости ради отметим, что подобное отношение как к чужаку и существу второго сорта может быть обращено и в противоположном направлении: от гомосексуала на гетеросексуала. В гомосексуальной субкультуре существует понятие, в котором гордость за собственную идентичность объединяется с ненавистью и презрением по отношению к гетеросексуалу, который, как представляется, всего лишь раб принципа размножения — «племенной скот» («breeder») [З. С. 234].

Дело здесь не только в невысоком уровне образованности среднестатистического субъекта дискурса и не только в его интеллектуальной ленности, не только в его конформизме по отношению к «общим истинам», разделяемых большинством в его окружении, или в агрессивной ксенофобии, необходимости утверждения собственного бытия за счет отрицания бытия другого, но и в том, что подспудно в подобном отношении проявляется пустившая глубокие корни идея субстанциальности желания — как гетеросексуального, так и гомосексуального, идея о том, что твой выбор сексуальности свидетельствует о твоей природе или характеризует тебя как личность в большей мере, чем любые другие твои ориентиры, твои ценностные приоритеты, твои дела, наконец.

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ОДНОПОЛЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОТВЕТЫ НА НИХ С ПОЗИЦИИ ДИСКУРСОВ СУБСТАНЦИАЛЬНОГО И НЕСУБСТАНЦИАЛЬНОГО ЖЕЛАНИЯ

Религиозно-метафизическое возражение

Мы обойдем стороной любые неаргументированные возражения, построенные по принципу «плохо, потому что плохо», даже если они ссылаются на моральную норму или закон уголовного кодекса, и в качестве первого аргумента возьмем религиозное обоснование осуждения однополых связей.

Все христианские конфессии (подобно иудаизму и исламу, равно как и ряду других религий) выражают неприятие гомосексуальности. Христианство, в част-

ности, отсылает нас к ветхозаветному «плодитесь и размножайтесь» и другим предписаниям, связанным с необходимостью продолжения рода. По сути, из всех форм сексуальности одобрение (или хотя бы согласие) получает только репродуктивная сексуальность.

Резонно заключить, что человек, предпочитающий партнеров своего пола, отказывается от выполнения задачи, возложенной, с точки зрения религиозного подхода, Богом на всех людей.

Однако действительно ли речь идет только об осуждении отклонения от выполнения установленной Богом задачи или и сама по себе однополая связь оказывается под запретом? Все ли дети Божьи посвящают себя этой задаче? Нет, иначе как же тогда быть с принявшими обет безбрачия, аскетами, монахами? Почему не только эксклюзивность однополых пристрастий, но и совмещение подобных отношений с разнополыми, репродуктивными по своей природе, не встречают принятия? Стало быть, наличествует логика запрета как такового. Как правило, в качестве древнейшего закрепления данных запретительных предписаний приводятся фрагменты из книг Ветхого Завета — источника куда как авторитетного для христианина (если, конечно, в Новом Завете не сказано иначе), однако существует мнение исследователей, утверждающее, что мы имеем дело с роковой неточностью перевода и что данные ограничения относились к запрету посещения храмов чужих богов, практиковавших храмовую проституцию, в том числе и мужскую [3. С. 36, 41].

В средневековую эпоху религиозное осуждение «содомского» греха, бесспорно, наличествует, находя согласие и с юридическим законом.

Если исходить из того, что заповеди и грехи, с точки зрения религиозного дискурса, не суть закрепленные высшим авторитетом родоплеменные обычаи или же исторически назревшие установления, но и не суть спонтанно-произвольные установления божественного начала, а предписания, имеющие собственную логику, в той или иной степени постижимую для человека, то логика запрета «содомского» греха, как и в случае других грехов, есть в общем смысле логика, уберегающая от предпочтения земного (удовольствия) небесному, то есть от того, чтобы поставить желания своего Эго выше, чем путь к Богу, открытый человеку церковью. Но заметим, что такое понимание не делает данное прегрешение принципиально отличным от других грехов, а очевидно, что отношение к лжецу или чревоугоднику, как правило, вызывает сегодня у человека, который идентифицирует себя как верующий, значительно меньший протест, чем «содомский» грех. Однако превращает ли данный грех индивида в человека особой породы (так, как индивида, в частности, определяет концепт «гомосексуалист») или нет, но грех есть грех и верующему невозможно не считаться с таким положением вещей.

Мы оставим за скобками данного рассуждения, диспут о том, как может тот или иной «верующий» называть себя таковым, причисляя себя к конкретной конфессии, но относиться к учению выборочно, соглашаясь с одними постановлениями церкви и оспаривая другие, и попытаемся прислушаться к тому, что

сообщает нам сам дискурс, обосновывающий «приемлемость» и «нормальность» однополых отношений.

Как мы уже отмечали, он представлен дискурсами эссенциалистов и конструктивистов, то есть дискурсом, субстанциализирующим желание, и дискурсом, для которого желание несубстанциально. В ответ на обвинение в греховности его образа жизни эссенциалист, считающий, что влечение гомосексуала к лицам одного с ним пола заложено в нем от рождения, значит, такова его природа, мог бы предположить, что раз Бог сам создал его таким, не следует видеть в этом грех, в отличие, например, от греха лгуна, насильника или убийцы, прегрешение которых есть дурная реализация их свободы воли. Конструктивисты, утверждающие изначальную нефиксированность, ненаправленность желания, конечно, не смогут подписаться под вышеприведенной формулой, и их аргумент будет отличным: Бог есть любовь, не любовь мужа к жене, или брата к брату, а любовь вообще, и их любовь не менее чиста и божественна, чем чья либо еще. А плотский грех их не более порочен, чем плотский грех гетеросексуала, и, как и сладострастие последнего, их грех может быть искуплен любовью. Стоит ли отдельно отмечать, что с подобной аргументацией, собственно, соглашается и эссенциалист?

К религиозному близко примыкает (а по мнению некоторых теоретиков метафизического дискурса, и предшествует ему) метафизическое осуждение.

Мыслитель, утверждающий метафизическую природу пола, его космичность или даже трансцендентность, может связывать с ним исполнение человеком своей главной задачи, его метафизическую реализацию. В этом случае подмена мужского и женского принципа, действия, не соответствующие трансцендентной логике твоего пола, затрудняют метафизическую реализацию или делают ее в принципе неосуществимой, а также вносят разлад в окружающий порядок.

Вместе с тем нам известны примеры и более сложного понимания метафизики взаимодействия полов, связанного с ритуальным освящением однополых отношений и представлениями о принципиальной транзитивности границ пола.

В то время как ацтеки сурово расправлялись с любыми проявлениями однополых влечений, в целом ряде других племен доколумбовой Америки существовал институт бердашей, «людей с двумя душами», состоящий из мужчин и женщин, принявших на себя гендерные роли противоположного пола, в том числе и связанные с половой жизнью [4. Гл. 2—2; 3. Гл. 1]. Однако мужчины таким образом не «становились» женщинами и наоборот, образуя тем самым третий пол, представителям которого при этом воспрещалось вступать в интимную связь с людьми их же пола — но не с мужчинами или женщинами, а с другими бердашами. Выход за пределы собственного биологического пола рассматривался как подъем над человеческим уровнем и признак особой связи с реальностью сакрального.

Схожим образом и в других культурах власть шамана над миром духов оказывается связана в частности с его превосхождением собственного пола. Уже упоминавшаяся храмовая проституция выражала идею богослужения и жертвоприношения посредством посещения храма и вступления в связь (в том числе и одно-

полую) с тем, кто внутри логики ритуала представлял то или иное божество. Инициатические ритуалы некоторых народов включали в себя гомосексуальные практики, поскольку считалось, что если мальчик от кого и может воспринять мужественность, то только от другого мужчины [4. С. 112—115].

Еще один метафизический довод, направленный на объяснение однополого влечения, принадлежит Ю. Эволе, который, выделяя три уровня пола: «маску» (то, как мы отыгрываем свою роль перед другими людьми), «лицо» (то, кем мы сами себя осознаем) и собственно «ядро» пола (то космическое начало, в котором мы метафизически укоренены), указывал на то, что «лицо» человека значительно ближе его метафизическому «ядру», чем его «маска», часто произвольная и детерминированная лишь социально, причем, по его утверждению, между метафизическим полом человека и его биологическим естеством в некоторых случаях не существует прямой корреляции — и как следствие мы можем встретить, например, «женщину с мужской душой» [5. Гл. 1, п. 11—12] и т.д.

Аргумент, касающийся биологического и духовного вырождения

Признавая принципиальную трудноприложимость религиозно-метафизических аргументов (как «за», так и «против») к современному научному дискурсу, мы перейдем ко второму типу осуждения, в течение определенного времени вполне успешно признававшегося в качестве «научного», а именно к осуждению, связанному с представлениями о биологической и духовной дегенерации людей, объектом влечения которых оказывался представитель их же пола.

Здесь можно выделить два взаимосвязанных тезиса, которые, впрочем, могут присутствовать и по-отдельности. Первый тезис утверждает, что гомосексуальное желание есть признак биологической дегенерации индивида, его рода или даже нации, расы. Второй тезис сосредоточен на том, что однополое влечение, как и другие формы сексуальности, отличные от ее «нормальной» репродуктивной модели ведет к последующему вырождению. Так, М. Фуко ссылается на господствующую в те времена убежденность в том, что, например, детская мастурбация является причиной целого букета заболеваний, начиная с астмы и заканчивая мигренью (2).

Сегодняшнее осуждение гомосексуальности как вырожденческих тенденций, распространенное в дискурсе, отторгающем однополые связи, является отголоском уже ушедшей эпохи, делившей людей и расы на нормальных и дегенератов, плохо записанным конспектом с той страницы в медицинском знании, которую наука уже перевернула. Теория дегенерации действительно доминировала в медицинском дискурсе о гомосексуальности в конце XIX — начале XX вв., однако в настоящий момент мировое научное сообщество не только не разделяет идеи этой теории, но и не рассматривает гомосексуальность в качестве болезни.

Тем не менее, нужно отметить, что к довольно плотной материи биологического вырождения примыкает значительно более тонкая и сложноверифицируемая материя вырождения «духовного». Нарушение доминирующей сексуальной нормы представляется основанием для того, чтобы заподозрить индивида в аморально-

сти как таковой. И ранние медицинские исследования гомосексуального субъекта действительно переполнены примерами преступников и душевнобольных, но еще в середине прошлого века ряд ученых привлек внимание научного сообщества к тому факту, что на заре изучения данного вопроса в качестве исследуемого «материала» брались преимущественно заключенные тюрем, пациенты психиатрических лечебниц или же люди, сами обратившиеся к врачу с жалобами на те или иные психические недуги, то есть практически отсутствуют исследования гомосексуалистов, принадлежащих к немаргинальным социальным слоям, то есть выборка изначально оказывалась нерепрезентативной и демонстрировала скорее аморальность преступника и безумие душевнобольного, чем субъекта гомосексуального выбора [3. Гл. 3] (3).

Говоря о наличии или отсутствии нравственных качеств у человека с гомосексуальной ориентацией, современный дискурс, как эссенциалистский, так и конструктивистский (и эссенциалисты здесь звучат еще более убедительно, чем конструктивисты, хотя они и проигрывают последним в вопросе о биологическом вырождении), разводит врозь как две различные плоскости выбор предпочтительного сексуального объекта и моральность субъекта, то есть его отношение к нравственным принципам и идеалам. «Низменные» качества присущи человеку вообще и могут проявляться у человека вне зависимости от его сексуального выбора. Вместе с тем вопреки распространенному поверию о моральном и культурном вырождении человека гомосексуальной ориентации бесчисленное число выдающихся произведений искусства, навсегда вошедших в мировую сокровищницу и, более того, подчас утверждавших грядущее направление развития человеческой культуры, было творением рук именно таких людей. Здесь, конечно, нельзя не упомянуть и вероятность того, что бунтарство, требующееся великому творцу, создающему что-то выдающееся, как правило, так или иначе связано с готовностью личности идти наперекор прескриптивной или статистической норме и в некоторых других вопросах.

Прагматическое возражение

Следующий аргумент окрашен в тона экономической полезности. Гомосексуал представляется трутнем, нахлебником, прожигающим свою жизнь и паразитирующим на труде обычных людей. Историческим основанием здесь выступает то, что традиционная семья, являвшаяся, что очевидно, гетеросексуальной, представляла собой, как известно, экономическую ячейку общества, а гомосексуальная связь не могла найти свое завершение в создании такой семьи. Вместе с изменением основных функций, выполнявшихся ранее институтом семьи (4), и перераспределением их между другими социальными институтами применительно к обществам, пережившим подобную институциональную трансформацию [7. Гл. 1, 10], данный аргумент себя по большей мере исторически исчерпывает.

При этом отметим, что в этих обществах данная проблема обнаруживает новый ракурс: гомосексуал действительно не участвует в выполнении своих трудовых функций и не служит «благу общества» наравне с гетеросексуалом, при-

чиной чего далеко не всегда является его «ленность» или «гедонистичность», но и объективно существующие сегодня ограничения, сужающие круг возможных профессий для лиц, заявляющих о своей «нетрадиционной» ориентации. А что до вопроса о гедонистическом (и, следовательно, экономически малополезном для общества) образе жизни, якобы повсеместно преобладающем среди приверженцев однополых отношений, то он снова отсылает нас к проблеме моральности и ее корреляции с тем или иным типом сексуальности, которая была рассмотрена чуть выше... Может показаться, что в этом вопросе различие между эссенциалистским и конструктивистским дискурсами себя не проявляет — ведь речь идет об экономических и социальных трансформациях, едва ли связанных с вопросом о субстанциальности желания и его природной закреплённости, — тем не менее, можно заметить, что в то время, как эссенциалист увидит в изменяющейся социальной реальности больше свободы для тех, кто наделен подобной «природой» от рождения и чье желание в любом случае оставалось бы направленным на представителей его (ее) же пола, каковым бы ни было общество, в котором им довелось жить, конструктивист обратит внимание, что изменившееся общество открывает более широкие и разнообразные возможности для конструирования собственной гендерной идентичности и вероятность того, что молодой человек или девушка, еще не определившиеся со своим предпочтительным сексуальным объектом, выберут гомосексуальную или бисексуальную идентичность, в этом обществе выше, чем в обществе прошлого.

К вопросу о репродуктивности

Весьма серьезный аргумент против однополых отношений выстраивается вокруг репродуктивной функции, ее важности для общества и невозможности ее выполнения однополый парой без стороннего участия. В качестве основного контраргумента приводится утверждение о наличии наряду с репродуктивной сексуальностью сексуальности нерепродуктивной, иногда обозначаемой как «рекреативная», а вопрос о том, не является ли нерепродуктивная сексуальность неким «приложением» к репродуктивной, разрешается, скорее, негативно — репродуктивная сексуальность рассматривается как форма сексуальности вообще в которой сексуальность сплетается с биологической задачей продолжения рода, к которой она никоим образом не сводится и которая является для сексуальности едва ли не внешней, дополнительной.

Часто ли разнополая сексуальность осуществляется с расчетом на репродукцию как таковую? Мы хорошо понимаем (хотя в зависимости от своей социальной, культурной и этнической принадлежности и от своего референтного окружения в разной степени готовы это признать), что по факту в существующих сегодня практиках сексуальности вступающие в них мужчина и женщина, если и задумываются о репродуктивном характере сексуальности, то намного чаще не с мыслью о том, как продолжить род, а, скорее, с заботой о том, как бы, напротив, избежать этой репродуктивной перспективы.

Кроме того, в своей контраргументации эссенциалисты будут утверждать, что жизнь в репродуктивной гетеросексуальной семье вопреки природе гомосексуала, даже при наличии совершенно искреннего желания последнего полностью посвятить себя браку и воспитанию детей, как правило, не может не привести его к серьезному внутреннему конфликту и в большинстве случаев не делает его счастливым.

Здесь мы сталкиваемся с новыми обоснованиями, которые мы практически не находим в традиционно-патриархальном дискурсе и не только в силу слабой включенности в него психологического знания, но и по причине преобладающей общинной ориентированности этого дискурса и его относительным безразличием к индивидуалистическим ценностям, особенно к таким категориям как индивидуальное счастье. Не индивидуально трактуемому счастью и психологическому комфорту должен быть подчинен быт человека и его участие в тех или иных социальных практиках, но, напротив, в соответствии с правильно организованным бытом и в верной вписанности индивида в проверенные веками социальные взаимодействия обретает он свое счастье. «Стерпится — слюбится» — вот, как мы помним, семейная формула любви в этом обществе, с чем, безусловно, не может согласиться человек, воспитанный в категориях нарратива персонализации и индивидуализации.

Что же касается заботы о новом поколении, то защитники идеи однополых союзов убеждены, что подобная пара может дать своему (усыновленному или удочеренному) ребенку не меньше, чем традиционная разнополая пара, приводятся данные исследования психологов, подтверждающие, что за исключением моментов вынашивания, биологического рождения и кормления грудью, которые все еще остаются прерогативой исключительно женщины, все остальные аспекты «материнства» могут быть исполнены мужчиной так же, как и женщиной, что, в свою очередь, считается равноприменительным и к женщине, исполняющей отеческие функции (и здесь конструктивистский подход оказывается в более выигрышном положении, чем эссенциалистский, поскольку предполагает большую динамику гендерной идентичности и гендерных ролей).

Более того, предполагается, что по причине того, что в обычной семье рождение ребенка часто оказывается «данью» «обычному» порядку вещей, а, значит, далеко не всегда выступает результатом полностью осознанного, выношенного решения, пара, для которой появление ребенка на свет затруднено по естественным причинам, принимая положительное решение о ребенке, возможно, склонна окружить его даже большей заботой, чем, если бы для нее дети были чем-то само собой разумеющимся.

Проблема «естественного» и «противоестественного»

И, наконец, последний аргумент, который мы рассмотрим в настоящей статье, опирается на идею о противности однополых отношений природе, их противоестественности. Если под естественной сексуальностью мы будем понимать ис-

ключительно репродуктивную сексуальность, то, конечно, однополюе отношения для нее неестественны, как, впрочем, и любые другие сексуальные практики, не совпадающие с генитальным контактом между мужчиной и женщиной, да и то, осуществляемым в период, когда существуют физиологические предпосылки для зачатия. Вспомним, что уже З. Фрейд предупреждал против подобного резко зауженного понимания сексуальности, говоря, что в таком случае, борясь с противоестественным в сексуальности, нам следовало бы запретить и поцелуй [6. Лекция 20].

Еще одним контраргументом против обвинения в противоестественности выступает мысль о том, что в таком случае подобный «естественный» порядок должен был восходить еще к животным, сексуальность которых должна была бы совпадать с задачей продолжения рода. Однако многочисленные факты свидетельствуют об очень различной сексуальности, присутствующей в животном мире. Например, многие живые существа — от насекомых (вроде клопов) до высокоорганизованных животных — проявляют достаточную неразборчивость (в силу слабости зрения и других органов восприятия или по другим причинам) в вопросе пола партнера, с которым они осуществляют спаривание. Меховая шапка, брошенная в доступном для здорового половозрелого кота месте, может пострадать от его любвеобильности, хотя никто, думается, не стал бы говорить о возможных репродуктивных последствиях его «ухаживаний». Кроме того, у ряда животных, выстраивающих в своих «протосоциальных» общностях определенный иерархический порядок, «покрытие» самцом другого самца может носить уже даже не рекреативный, а «политический» характер, закрепляя и реактуализуя отношения господства и подчинения (обратим внимание, что в той или иной форме наследие этих практик мы имеем возможность наблюдать и в целом ряде человеческих общностей) (5).

Помимо этого довода, представители эссенциалистского дискурса выстраивают собственную модель соотношения естественного и неестественного применительно к гомосексуальности (6). Развитие медицины, многочисленные исследования гормонального развития человека, изучение генетических механизмов, углубление нашего знания о мозге вместе с освобождением медицинской науки из-под влияния теорий дегенераций позволяют сегодня, если не объяснить гомосексуальность, то, по крайней мере, выявить определенные закономерности возникновения если не гомосексуальности, то возможной предрасположенности к ней [4. С. 55—65; 3. С. 138—214]. Если у субъекта гомосексуальной ориентации, его пристрастие к лицам одного с ним пола заложено в его биологии, то как оно может быть противоестественным? — спрашивает эссенциалист.

Вместе с тем свой ответ на обвинение в противности однополого влечения природе будет и у конструктивизма.

Последовательный конструктивист обратит наше внимание на пластичность человеческой природы (эксцентричность и неспециализированность человека, если сказать словами Х. Плеснера и А. Гелена), которая и отличает его от животного, изначально вписанного в собственную среду обитания, но порой неспособного выжить в отличной среде, в то время как человек, на стартовых позициях уступающий животному во всем, в дальнейшем в принципе может приспособ-

биться к самой различной (порой совершенно непригодной для жизни вообще) природной среде — или приспособить природу под себя.

По сути говоря, с точки зрения конструктивизма в человеке не остается практически ничего естественного, даже то исконно природное, что в нем сохранилось, организуется в нем посредством искусственных форм, иными словами, человеку естественно быть искусственным. Как результат, любая гендерная идентичность (включая как гетеросексуальную, так и гомосексуальную, а также те ее модели, что стремятся ускользнуть от данной бинарной логики), отталкиваясь от биологического основания, преобразует его в некий конструкт сообразно тем или иным значениям социокультурного кода — доминантным или же альтернативным или даже маргинальным.

Подводя итоги, многие из которых, конечно же, не окончательные и предполагают дальнейшее развертывание и уточнение, еще раз повторим, что наши попытки объяснить выбор предпочтительного сексуального объекта делятся на два лагеря в зависимости от того, полагают ли они наше желание исходно предопределенным и неизменным (субстанциальным) или же непредопределенным, подвижным и несубстанциальным.

Сталкиваясь с дискурсом, стремящимся радикально разделить людей по признаку направленности их желания на неравноправные категории и во многих своих аргументах восходящим к повериям, не находящим поддержки со стороны сегодняшнего научного знания, а также к институционализированным в прошлом моделям социальной организации (в том числе и к тем, которые для ряда современных обществ больше не являются репрезентативными), эссенциалисты и конструктивисты предлагают свои ответы по ключевым точкам «обвинения». Детальный разбор сильных и слабых сторон этих концептов, а также их сравнительное сопоставление с точки зрения приложимости к тем или иным проблемам, стоящим сегодня перед различными социальными группами и обществом в целом, конечно же, выходит за рамки короткой статьи и должен быть осуществлен отдельно, также как и вопрос возможного преодоления бинарной логики, переключавшей из пары «мужчина–женщина» в пару «гетеросексуалист–гомосексуалист», со всей неизбежно присущей ей ограниченностью.

В заключение еще раз отметим, что современная теория субстанциональности желания и сексуальной ориентации, по-прежнему опираясь как на эссенциалистский, так и на конструктивистский дискурсы, стремится к созданию комплексного подхода к объяснению данного феномена, который бы исходил и из все развивающегося знания о человеческой биологической составляющей и из внимательного и беспристрастного изучения того, как и под влиянием каких факторов предпосылка нашего желания становится самим желанием — подчас даже противоречащим собственной предпосылке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. подробнее: Тагиров Ф.В. Эрос и его субъект: парадоксы «освобождения» // Социокультурные практики: теория и методы исследования. Научный альманах. 2011. Том 1. Идентичность и социальное конструирование / Межвузовский центр социальной теории РУДН; под ред. П.К. Гречко и Ю.М. Резника. М.: Изд-во ООО «МЭЙЛЕР», 2012.

- (2) См. подробнее: *Фуко М.* Воля к истине — по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 97 и *Фуко М.* Ненормальные. М.: Наука, 2005. С. 279—317.
- (3) Об исторической обращенности научного дискурса к крайним формам сексуальности см. *Фуко М.* Воля к истине — по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 100—103.
- (4) См. подробнее: *Тагиров Ф.В.* Человек как субъект эротического в архаическом и раннем традиционном обществе: взгляд из посттрадиционного мира // Проблема идентичности человека и общества: Сборник научных трудов. Саратов, 2014.
- (5) Об однополых отношениях в животном мире см. подробнее: *Кон И.* Лики и маски однополый любви. Лунный свет на заре. М.: Олимп, 2003. С. 51—55.
- (6) См., в частности: *Клейн Л.С.* Другая любовь. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. Гл. 5.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
- [2] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (Политические исследования). 1997. № 4.
- [3] *Мондитор Ф.* Гомосексуальность. Естественная история. Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
- [4] *Кон И.* Лики и маски однополый любви. Лунный свет на заре. М.: Олимп, 2003.
- [5] *Эвола Ю.* Метафизика пола. М., 1996.
- [6] *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991.
- [7] *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.

SUBSTANTIALITY OF DESIRE AND TRANSFORMATIONS OF SEXUALITY

Ph.V. Tagirov

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the complex and rather contradictory problem of sexual desire and its orientation. It also concerns contemporary institutional transformations and their effect upon our understanding of frames and criteria of sexual “normality”. Methodologically we base on two major approaches proposed by researchers that are essentialism and constructivism primarily distinguished in our study accordingly to their concept of desire and its substantiality.

Key words: substantiality, desire, essentialism, constructivism, sexuality, queer, berdaches, degeneration, human nature.

REFERENCES

- [1] Liotar Zh.-F. *Sostojanie postmoderna*. Saint Petersburg: Aletejja, 1998.
- [2] Ingllhart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva // *Polis* (Politicheskie issledovanija). 1997. № 4.
- [3] Mondimor F. *Gomoseksual'nost'. Estestvennaja istorija*. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2002.
- [4] Kon I. *Liki i maski odnopoloj ljubvi. Lunnyj svet na zare*. Moscow: Olimp, 2003.
- [5] Jevola Ju. *Metafizika pola*. Moscow, 1996.
- [6] Frejd Z. *Vvedenie v psihoanaliz: Lekcii*. Moscow: Nauka, 1991.
- [7] Giddens Je. *Transformacija intimnosti. Seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennyh obshhestvah*. Saint Petersburg: Piter, 2004.